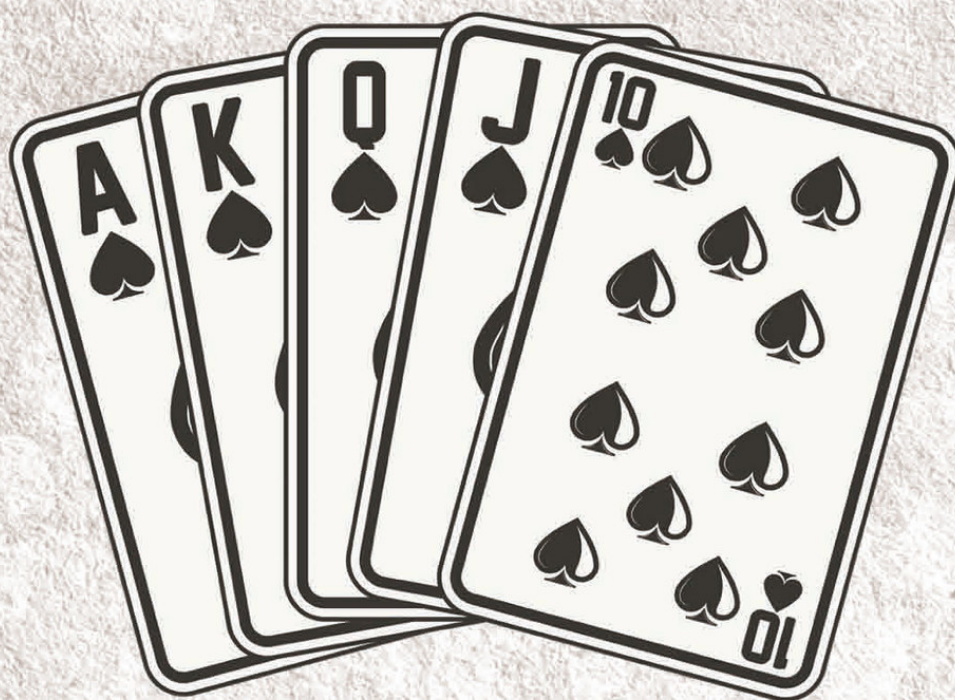

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

НАТАЛЬЯ НАКОЛЬСКАЯ

ВАЛАНДРА

ГУЗИ-ГУЗИ

САМЫЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Валандра

Наталья Никольская

Гузи-гузи

«Научная книга»

Никольская Н.

Гузи-гузи / Н. Никольская — «Научная книга», — (Валандра)

Глава службы безопасности фирмы «Кайзер» Валентина Вершинина оказывается перед сложным выбором. Деликатное поручение приводит в самый центр бури, которая разразится в криминальном и деловом мире. Отсчет жертв начался.

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталья Никольская

Гузи-гузи

ГЛАВА ПЕРВАЯ

* * *

– Серега, блин, вырубай видик, – Можжевелов, стоя у окна, затрясся как в лихорадке, – шеф приехал!

Сергей вскочил с дивана, как ужаленный и бросился к телевизору. Подбежав, он юлой закрутился на месте, зыря по сторонам.

– Где пульт, мать вашу? Эта гребанная техника только с пульта управляется!

Он снова кинулся к дивану и принялся шарить в щели между спинкой и сиденьем. Можжевелов, встав на четвереньки, шарил по полу, пытаясь отыскать злополучный пульт. Не найдя его, вскочил и снова подбежал к окну. Буторинский «хюндай» плавно вкатывался в ворота.

– П...ц, он уже здесь, – выдохнул Можжевелов, отпуская пластинки жалюзи.

На экране телевизора плотный мужчина лежал в чем мать родила на широкой двуспальной кровати с широко раздвинутыми ногами. С обеих сторон от него, приняв колено-локтевые позы, стояли две девицы. Можно было предположить, что они поделили комплект нижнего белья: на блондинке был только бюстгальтер, на рыжей трусики, которые можно было принять за веревочку, повязанную вокруг талии. Блондинка трудилась над вялым членом мужика, пытаясь придать ему вертикальное положение, рыжая ласкала клиента своими огромными грудями, водя ими по животу, ребрам и лицу – своего рода тайский массаж.

– Вот он, гнида, – Сергей наконец нашел пульт на кресле и, направив его на видик нажал на кнопку, – сука, ну вылезай же скорее!

Умная машина плавно выдавила кассету в щель кассетоприемника. Нетерпеливо ожидавший этого Сергей, схватил ее, лихорадочно вставил в коробку и, сделав два огромных шага к шкафу, поставил коробку на место.

– Ой, блин, – он достал платок из кармана и стер со лба крупные капли пота, – так недолго и инфаркт заработать!

– Добрый вечер, Игорь Семенович, – Можжевелов, расплывшись в подобострастной улыбке, распахнул дверь перед поднимавшемся на крыльцо шефом, – у нас уже все готово.

* * *

По коридору, паркетный пол которого был застелен узорчато-красной ковровой дорожкой, не спеша прогуливались двое мужчин. На лице одного из них застыло тревожно-озабоченное выражение. Он был, что называется, в годах, в его медлительных движениях и походке сквозило деловитое спокойствие и достоинство, хотя в том, как он потирал подбородок, чувствовалось какое-то нервное напряжение. Среднего роста, плотного телосложения, с широким, немного обрюзгшим лицом, кустистыми бровями и проницательным взглядом, с седыми, аккуратно уложенными волосами, одетый в темно-синий костюм, чей безупречный покррой говорил как о наличии вкуса, так и о финансовой возможности удовлетворять его требованиям, Воронин Петр Евгеньевич внешне вполне соответствовал тому представлению о «государственном муже», которое сложилось в головах жителей Совдепии.

– Так ты говоришь, сам видел? – хрипловатый голос Воронина слегка подрагивал. – Где же ты видел?

– Там же, на даче, – собеседник Воронина, высокий, щуплый блондин внезапно остановился и бросил опасливый взгляд туда, где коридор вливался в широкую лестничную площадку.

Этот взгляд, казалось, раздражающим образом подействовал на Воронина.

– Что ты трясешься? – укоризненно, с оттенком пренебрежения спросил он. – Никто тебя не заставлял передавать мне эту информацию.

Воронин тоже остановился. Минуту он глядел куда-то в сторону, потом перевел взгляд на озиравшегося блондина. Тот как-то смешно и нелепо вытягивал тощую шею. Его боязливо-расшаркивающаяся манера держать себя, общий виновато-затравленный вид, взгляд побитой собаки явно не находили симпатии у Петра Евгеньевича, слывшего в административных кругах человеком гордым и прямодушным, если эпитет «прямодушный» вообще уместен, когда речь идет о высоком чиновнике.

– Ты смотрел пленку? – полушепотом спросил Воронин и брезгливо поджал тонкие губы.

– Нет, до этого дело не дошло, он было хотел в запале, как говорить, нам ее продемонстрировать, но потом передумал.

– И Можжевелов, говоришь, там был? – Воронин насупился.

– Бы-ы-ыл, – как-то мечтательно протянул блондинчик, тупо уставясь на Воронина.

– Что ж ты эту чертову кассету мне не принес? – нетерпеливо воскликнул Воронин, смахивая со лба выступившую испарину.

– Евгений Петрович, – блондинчик заискивающе и виновато улыбнулся, – если б я мог!

– Ты, значит, на повышение надеешься? – ядовито усмехнулся Воронин.

– Вам, Петр Евгеньевич, виднее. Я вам верой и правдой служу, а там, уж это вы как оцените... – засюсюкал долговязый блондин.

– Это ты, Сергей, правильно заметил, мне виднее... – Воронин на секунду задумался. Он глядел в пол, сосредоточенно потирая свой круглый подбородок.

– На кассете написано что-то не по-русски, подождите, вспомню... – Сергей возвел очи горе, – ах, да, какое-то слово глупое – я записал.

Он ловко двумя пальцами выудил из наружного кармана пиджака микроскопический клочок бумаги, на котором было нацарапано латинскими буквами «gouzi».

Блондинчик впервые за время разговора самодовольно улыбнулся. Воронин с нескрываемым отвращением посмотрел на Сергея, скривив рот в недоброй усмешке.

– А ты почему знаешь, что глупое? Ты у нас что, полиглот? – Воронин взял потянутый листочек.

– Да по звучанию, Евгений Петрович, сами подумайте... гоузи. Вернее там не одно такое слово было написано, а два – через дефис, – засуетился Сергей.

То обстоятельство, что Воронин, как важное административное лицо, которое завистники всех мастей хотели замазать или вызвать на нем краску стыда, нуждался в своих информаторах, не мешало ему их презирать.

Будучи по натуре властным и далеко не толерантным, он кипел ненавистью ко всем этим талейранам-шептунам, вроде Сергея, именно в силу того, что не мог обойтись без их унизительных услуг.

Не благоволил он к этим, как он их называл, «продажным типам» еще и потому, что зачастую те были хорошо осведомлены о личной жизни своих покровителей и при случае могли использовать имеющуюся у них информацию против того, чей пост и репутация создавали преграду для их продвижения по службе. Сегодня они работают на тебя, – горько рассуждал Петр Евгеньевич, а завтра – против тебя. И при всем при этом используют ту информацию, которую собирали по твоей указке.

– По звуча-а-нию, – передразнил он Сергея, – ладно, иди в кабинет, а то ты весь вспотел, Коломиец уже, наверное, там.

– Хорошо, Петр Евгеньевич, – с прежним подобострастием отозвался блондинчик и неуклюжей, раскачивающейся походкой направился в сторону лестничной площадки.

Воронин еще некоторое время постоял в задумчивости а потом и сам пошел к лестнице. На втором этаже буквально через минуту должно было продолжиться экстренное совещание, проводимое первым замом главы областной администрации – Коломийцем Иваном Кузьмичом.

* * *

В дежурке было жарко по-болдыревски. Сергей Болдырев – водитель Вершининой – очень любил тепло. Эта его страсть была объектом дружеских насмешек со стороны его коллег. В дежурке Болдырев всегда старался воспроизвести некое подобие «щадящей Сахары», не обращая внимания на многочисленные протесты и порой весьма немилосердные подтыривания. Его живьем зажаренные коллеги, которым не посчастливилось нести с ним трудовую вахту у пульта, шутили из последних сил, дав излюбленному болдыревскому режиму ироническое название «болдыревская осень».

Сейчас как раз он был ни при чем: всему виной было внезапно наступившее потепление, которое Болдырев приветствовал не с меньшим пылом, чем пифагорейцы – восходящее солнце. Тепловые сети не успели еще перестроиться, они запаздывали, как и все в нашей стране.

– Вот Сережа бы порадовался, – ухмыльнулся Ганке, тасуя колоду потрепанных карт и успевая тыльной стороной ладони стирать пот со лба.

– Сдавай, Валентиныч, все равно «болвана» не обманешь, – Коля Антонов поторопил своего партнера.

– Куда торопиться, вся ночь впереди, – Ганке начал наконец раздавать.

Играли они в «гусарика» – упрощенный вариант преферанса, ввиду отсутствия еще одного партнера.

– Пиликалка запиликает, и не успеем доиграть, – Коля нахмурился.

Ганке с Антоновым сидели друг напротив друга за небольшим столом в дальнем конце комнаты, главной достопримечательностью которой был большой пульт. На него поступала информация о несанкционированном проникновении в жилища, поставленные «Кайзером» на сигнализацию.

В центре комнаты стоял стол с электрическим самоваром, в начищенных боках которого отражалась, как в зеркалах комнаты смеха, пара дерматиновых диванов, на которых можно было вздремнуть во время дежурства. Дополняли картину холодильник «Стинол» и несколько мягких стульев.

Розданные карты подняли со стола.

– Раз, – Антонов начал торговлю за прикуп.

Ганке уже собирался произнести: «Два», – у него на руках было верных семь бубей, но в это время на пульте замигала красная лампа, и раздался прерывистый сигнал тревоги.

– Ну вот, взглянул, – с досадой воскликнул Ганке и бросил карты на стол, – вернемся и доиграем, не пугай с моими.

– Валентиныч, – Николай поспешил к выходу, – я пошел заводить машину, а ты уточни пока адрес, ладно?

– Конечно, конечно, – Ганке быстро поднялся из-за стола, – сейчас иду.

Он открыл регистрационный журнал, отметил время поступления сигнала: один час пятнадцать минут ночи третьего апреля и, записав в блокноте адрес охраняемого объекта, вышел вслед за Антоновым.

Несмотря на плюсовую температуру, снег еще до конца не сошел и от него веяло сырым холодом. Ганке передернул плечами и поспешил забраться в кайзеровскую «Ниву», которая тут же рванула с места.

– Куда? – лаконично спросил Николай, держа левой рукой баранку, а правой переключая кнопки приемника.

– Дача Буторина, – так же коротко ответил Валентиныч.

– Это который министр, что ли? – Николай вдавил прикуриватель в приборную панель и полез в карман за сигаретами.

– Он самый, – Ганке снова поежился, – помнишь адрес-то?

– У всех этих «шишек» дачи, почитай, в одном районе: на Волге вверх по течению.

«Нива» поднялась на гору, выехала к КП ГИБДД и свернула направо. Ночной город, тускло мерцаая огнями сквозь дымку влажного воздуха, раскинулся под затянутым облаками низким небом.

Антонов сделал еще пару поворотов и выехал на прямую дорогу тянувшуюся параллельно Волге. От дороги в обе стороны шли ответвления к дачным массивам.

Минут через пять они свернули на дорогу перед которой висел указатель «Пансионат „Волжские берега“».

– Ну вот, почти приехали, – удовлетворенно произнес Антонов, – не хилые здесь дачки!

– А что удивляться, – Ганке сделал выразительный жест, – у моей соседки вон поп такие хоромы себе отгрохал, почти на самом кладбище.

– Это как, на кладбище? – удивился Коля.

– Им выделили там участок под строительство часовни, а он там себе еще и дом возвел, который размерами часовне почти не уступает!

– Удобно устроился, – ухмыльнулся Николай, – когда твой поп помрет, далеко ехать не придется! Ну уж если святые отцы, которым сам Бог велел заботиться о душах прихожан, не говоря уж о своей собственной, не стесняясь пользуются мирскими благами, то что уж говорить об этих нуворишах из правительства.

Он резко затормозил рядом с двухэтажной кирпичной дачей с мансардой, возле которой стоял милицейский «УАЗик».

– Смотри-ка, менты раньше нас успели.

– Теперь все следы своими сапожищами затопчут, – поддержал Ганке.

– Ну что, Валентиныч, отзовоимся Валандре? – Николай потянулся к телефону, установленному в машине.

– погоди, – остановил его Ганке и, приподняв рукав куртки, взглянул на часы – давай сперва посмотрим, в чем тут дело.

* * *

«Ну, наконец-то весна! До чего же сладко ощущать ее присутствие! Я повожу ноздрями – мне мерещатся цветочные ароматы, смотрю на голые деревья, чьи узловатые стволы и причудливо изогнутые ветви таят в себе столько жизненной силы и воли к преобразению! Через воронки крон, на совесть отполированные ветром, стекает на землю кипящая апрельская лазурь.

Мое сердце, опережая ход времен, как нетерпеливое дерево, покрывается почками. Дышится легко и свободно.

Шеф, как всегда после выходных «болел». Едва взглянув на его помятую, заспанную физиономию, красные глаза-щелочки, я поняла, что он провел week-end в обычном режиме «бурного возлияния». Когда я довольно вяло поинтересовалась у Мещерякова, по какому поводу всю субботу и воскресенье он «принимал на грудь», он что-то промямлил о дружеском сербском народе и агрессии Запада.

Наша фирма, по словам Мещерякова, удостоилась новых выгодных заказов от банковских «шишек». Это была единственная новость, которая смогла хотя бы на полчаса вдохнуть жизнь в моего апатичного шефа. Нет, вы не подумайте, он энергичный и деловой человек, иначе как бы он мог руководить такой солидной фирмой, как «Кайзер»? Просто сегодня понедельник, день тяжелый... А в конце каждой недели Михал Анатольевич посылал к черту древних мудрецов, толкующих об умеренности вкупе с моими любимыми французскими моралистами.

Чем же занимается наша фирма? Производством стальных супердверей. Кроме того в ее задачу входит установка сигнализации.

Условия детективного сериала, который я пишу, требуют, чтобы в очередном романе, входящем в сериал, я заново знакомила читателей с теми действующими лицами, которые кочуют из одного детектива – в другой. К этим постоянно действующим персонажам я отношу себя, членов моей команды, моего шефа и некоторых сотрудников фирмы «Кайзер». Каждый роман должен читаться как самостоятельное произведение.

Поэтому давайте знакомиться, меня зовут Вершинина Валентина Андреевна, Валандра, как окрестили меня мои ребята. Я на них за это не обижаюсь, хотя недалекий человек может поставить это прозвище в один ряд с разными волюндрами, шлындрами, полундрами и тому подобной ерундой. Кстати, каждое имя, получено ли оно человеком от рождения или приобретено каким-либо другим социальным путем несет в себе вибрации, которые воздействуют на его обладателя совершенно определенным образом.

Ну, это тема отдельного разговора, кто желает услышать мое мнение по этому поводу, добро пожаловать в фирму «Кайзер». Спросите начальника службы безопасности – вас проведут прямо ко мне в кабинет. Он находится на первом этаже отдельно-стоящего двухэтажного здания, в котором размещается администрация нашей фирмы во главе с ее директором-основателем Михаилом Мещеряковым. С ним меня связывают давние и далеко не простые отношения.

Дело в том, что он имеет досадную склонность потчевать меня разного рода советами, касающимися моей личной жизни. Этот грузный, с виду равнодушный до апатичности «дядя» на самом деле очень хваткий и расторопный товарищ. Котелок у него варит. Безразличие его напускное. Это своего рода уловка, позволяющая ему в два счета раскусить собеседника. Он часто напоминает мне сытого кота, растянувшегося в двух сантиметрах от прыгающих птичек. Сквозь тонкую пелену обманчивой дремоты он терпеливо наблюдает за порханием птичек и, чуть одна зазеваается – хватить!

Я тоже стараюсь сдерживать или скрывать свои эмоции (я же женщина, существо по своим природным характеристикам более чувствительное), но в деле сохранения самообладания признаю первенство за Мещеряковым и многому учусь у него. Даже в том, с какой упорной наглостью он посылает на три веселых буквы философию умеренности и долголетия, заключено столько молодцеватой удали и задора, что иногда я стараюсь не замечать его потрепанного вида и сизого носа».

– Что ж, Валя, – удовлетворенно вздохнула Вершинина, перечитав отрывок, – по-моему, несколько лучше, чем было в моем первом произведении. И не без влияния Толкушкина, – она с благодарностью вспомнила своего нового сотрудника – непризнанного гения пера, в силу некоторых причин не сумевшего опубликовать ни одного своего произведения.

Она отложила рукопись в сторону и встала, чтобы выключить газ под сковородой со шкворчащей на ней свиной.

«Черт возьми, немного пересохло, – подумала она, приподнимая лопаточкой ломтики золотисто-коричневатого мяса, – зато салат получился что надо».

Салат из свежих зеленых огурчиков и консервированных шампиньонов, заправленных оливковым маслом, действительно радовал глаз. Украшенный листочками кудрявой петрушки и перьями зеленого лука он так и просился в рот.

– Максим, – позвала Валентина Андреевна сына, сидевшего неотрывно за новеньким компьютером, – бросай свою технику и быстро ужинать, скоро десять часов!

* * *

– Валентиныч, давай-ка все по-порядку, – Вершинина внимательно посмотрела на Ганке, придвигающего к ее столу стул с кожаным сиденьем.

– Ты тоже, Коля, садись, вдруг Валентиныч что-нибудь забудет! – Валентина Андреевна улыбнулась кончиками губ.

Антонов устроился в кресле неподалеку и достал сигарету.

– Валентина Андреевна, – Ганке с наигранной укоризной взглянул на Вершинину, еле сдерживая улыбку, – я на свою память не жалеюсь...

– Ладно, ладно, Валентинович, это я твою «боевую» форму проверяю.

Вершинина лукаво прищурила правый глаз.

– Ну, в общем, в час пятнадцать приняли сигнал...

– Это я знаю, – перебила Валентиныча Валандра, – что на даче было?

– На дачу Буторина Игоря Семеновича прибыли в час тридцать три. Наряд Андропова был уже там. Когда мы подошли к воротам, я обратил внимание на замок – он был сломан и валялся рядом. В доме на первом этаже прохаживались туда-сюда Ермаков, это водитель, и Вася Чижов. Сам Андронов спустился сверху немного погодя. Ну, я сразу стал замок осматривать.

– И что же?

– Элементарно выломана дверь, работали явно не профессионалы. В принципе, к нам никаких претензий быть не может – сигнализация сработала.

– Хозяина вызывали? – Вершинина кончиками пальцев поправила челку и потянулась за сигаретой.

В это время зазвонил внутренний телефон, и она, держа незажженную сигарету в руке, сняла трубку.

– Слушаю, Михаил Анатольевич. Да. Конечно. Прямо сейчас? Хорошо.

– Так, ребята, вы тут посидите немного, можете пока себе кофе сварганить, я скоро, – Вершинина подошла к зеркалу и, не смущаясь присутствия подчиненных попудрилась, тремя лаконичными движениями взбила волосы и словно линкор со стапелей выплыла из кабинета.

– Ну, чисто пава, – не без восхищения произнес Валентинович, когда за Вершининой закрылась дверь.

* * *

– На троих соображаете? – с веселой иронией бросила Вершинина с порога.

Ганке, Антонов и присоединившийся к ним Мамедов с чашками в руках сидели возле журнального столика.

– Привет, Алискер, – кивнула она своему секретарю-референту, худощавому черноглазому брюнету, – мне тоже кофейку плесните.

Антонов достал из шкафа чашку, наполнил ее темной дымящейся жидкостью и поставил на стол перед Вершининой.

– Спасибо, Коля, родина тебя не забудет. Так, Валентиныч, вызывали хозяина? – она резко вернулась к теме прерванного звонком разговора.

– Андронов позвонил ему сразу после нашего приезда, сообщил о происшествии, спросил, приедет он сейчас или утром. Буторин сказал, что скоро будет, пришлось подождать его.

Тут в разговор вмешался Антонов.

– Пока мы ждали хозяина, поболтали с ребятами Андропова. Получается, что они никого не застали, и, как мы потом выяснили, ничего из дома не пропало, никаких следов обнаружено не было... В общем, ерунда какая-то.

– Кто сказал, что ничего не пропало? – Вершинина посмотрела на Николая.

– Сам Буторин сказал, когда приехал и осмотрел все комнаты, а там было чему пропадать! Добра всякого полно, словно это не дача, а жилой дом! – Антонов даже причмокнул.

– Наверное, все-таки, что-то пропало, – задумчиво протянула Вершинина, – Буторин только что звонил Мещерякову, – она показала большим пальцем в потолок, где размещался кабинет патрона, – скоро подъедет.

– Значит, все-таки кража? – Ганке приподнял густые темные брови. – Когда мы уезжали оттуда после ремонта, это было половина пятого, он нам ничего не сказал.

– Сейчас узнаем, – сказала Вершинина, – что там у него? Валентиныч, – она сочувственно посмотрела на усталого Ганке, – скоро я вас отпущу отдохнуть, всего пара вопросов осталась. Ты не поинтересовался, во сколько на дачу прибыл милицейский наряд?

– Конечно, поинтересовался, Валентина Андреевна, они опередили нас на десять минут.

– Видимо, находились совсем рядом, – предположила Вершинина, – когда им поступило сообщение.

– Да, – подтвердил Ганке, – Андронов сказал, что они в это время были почти у КП.

– Значит, – прикинула Вершинина, – с момента взлома до появления ментов прошло около десяти минут?

– Получается, что так.

– И они никого не заметили поблизости?

– Совершенно никого, – подтвердил Ганке.

– Вам не кажется странным, – Валентина Андреевна обратилась ко всем трем своим подчиненным, – что преступник срывает замок с ворот, взламывает дверь, по-видимому зная о том, что нужно взять.

Все трое переглянулись.

– На всю эту процедуру вор должен был затратить не более пяти минут, если предположить, что другие пять ему были необходимы, чтобы скрыться. Ты, Алискер, что по этому поводу думаешь? – Валандра воззрилась на своего помощника.

Мамедов был воплощением сосредоточенного внимания.

– Думаю, что вы правы – тут есть над чем поразмышлять, – он повернулся к Ганке: – Около дома следов не было?

– Ночью было около ноля, снег притоптан – видимо, дача не остается без внимания, сам понимаешь, следов на таком покрове не обнаружишь, – веско заметил Валентинович, принимаясь за вторую чашку.

– Когда Андронов ехал на дачу, никакие машины ему навстречу не попались?

– Ни одной, по крайней мере, после поворота с трассы, – ответил Ганке.

– Если бы я был на месте преступника и знал, что вот-вот должен появиться милицейский наряд, – вслух размышлял Алискер, – я бы наострил лыжи не к выезду с участков, а в противоположную сторону и отсиделся бы где-нибудь до утра, пока все не разъехались.

– Логично, – поддержала его Вершинина, – но что это нам дает?

– Валентина Андреевна, – не выдержал Николай, – нам то что до этого? Сигнализация сработала, все восстановлено! Пусть этим занимается милиция, если это их касается.

– Коля, – спокойно выговорила ему Вершинина, – я понимаю, что ты после бессонной ночи, но я ведь недавно сказала, что Буторин едет сюда. Как ты думаешь, для чего?

– Делать им нечего, вот они и разъезжают, – поморщился Николай.

– Наверное, обнаружил все-таки пропажу чего-то, что не заметил при беглом осмотре, – произнес Алискер, – он ведь остался на даче, когда вы уехали?

– Хорошо, ребята, – подвела итог Вершинина, – все, кроме Алискера свободны, отдыхайте.

ГЛАВА ВТОРАЯ

* * *

– Ну, рассказывай, – Вершинина закурила сигарету и встала из-за стола, – что там с «Дросселем»?

Мамедов раскрыл коричневую кожаную папку, которую держал на коленях, достал несколько листов бумаги и протянул их фланирующей по кабинету Вершининой.

– Это договор с фирмой «Дроссель», на установку сигнализации на ее складах.

Валентина Андреевна пробежала глазами стандартный текст, остановившись лишь на сроках исполнения.

– Успеете за неделю? – она остановилась перед Алискером.

– Я там все осмотрел, – ответил Мамедов, – дел на три дня, семь дней я поставил так, на всякий случай, тем более, заказчик не возражал. Если хотите, я быстренько обрисую ситуацию.

– Да ладно уж, – махнула рукой Вершинина, – пока у тебя проколов не было.

Мамедов был, что называется, правой рукой Вершининой. Деловой, подтянутый, энергичный, сообразительный он, подобно Фигаро, успевал повсюду. Официально числясь в штате «Кайзера» секретарем-референтом, он исполнял обязанности и детектива, и водителя, и электронщика, и в этом смысле удачно воплощал в себе некий тип универсала.

Он был не только расторопным и находчивым, но и безупречно вежливым и деликатным при необходимости, его горячий южный темперамент, как норовистый конь, держался в узде безупречным воспитанием и свойственной ему прохладной отстраненностью восточного советника.

Это парадоксальное качество было тонко подмечено его товарищами, которые наградили его прозвищем Визирь. Кроме вышперечисленных достоинств, Алискер не курил, выпивал только по праздникам или по необходимости и обладал харизмой, против которой редко какая женщина могла устоять. Если к этому добавить, что Алискер никогда не покупал готовые костюмы, а шил их у портного, то становится понятным, почему Вершинина так дорожила этим сотрудником.

– Когда Буторин приедет, я хочу, чтобы ты присутствовал при нашем разговоре. – Вершинина поставила локти на стол и положила свой округлый подбородок на сцепленные пальцы рук.

– Само собой, – отозвался Алискер, – если, конечно, он не будет возражать, вы же знаете, каковы все эти важные чины.

– Ну, некоторые не так напыщены и спесивы, как привыкли считать простые смертные, – Вершинина лукаво улыбнулась, вспоминая о своих двух встречах с Коломийцем Иваном Кузьмичем.

– У меня есть информация, что в недалеком будущем «Провинциалбанк» откроет новый филиал на Первопроходной.

– Ценная информация... – Вершинина рассеянно смотрела на круглые часы, висевшие над дверью, – думаешь о заказе?

– Предполагаю, они будут не против иметь с нами дело. Выполнение нами их прошлого заказа настроило их на самый оптимистический лад. Руководство, насколько мне известно, меняться там не собирается, так что...

– Из каких источников, Алискер, ты оплачиваешь услуги своих информаторов? – поддела она Визиря, – или какая-нибудь смазливая понятливая блондинка... Ты, вообще, кончай во время работы шашни крутить!

– Валентина Андреевна, – с обидой в голосе отозвался Мамедов, – я просто слушаю людей, иногда задаю им вопросы, вот и весь секрет. Большинство людей любят поговорить и поговорить в основном о себе. Им очень трудно найти того, кто мог бы не перебивая внимать их речам. Попробуйте с неподдельным интересом выслушать их, и они наговорят вам такого, они выложат любые секреты, только бы их слушали и поддакивали им. После этого они назовут вас самым красноречивым собеседником, хотя вы не сказали за время беседы больше двух-трех фраз...

Раздался стук, и, не дожидаясь ответа, в кабинет вошел высокий сухошавый мужчина в добротном костюме кофейного цвета. Его заостренное книзу лицо нельзя было назвать приятным, и озабоченно-напряженное выражение не придавало ему обаяния. При ходьбе он рассекал воздух резкими, угловатыми движениями.

Прямой негнувшийся корпус вошедшего как бы силился поспеть за его выступающим вперед подбородком, который он нес подобно носовой части галеры. Обведенные темными кругами колючие глаза смотрели с холодной недоверчивостью.

Вершинина даже слегка поежилась под властным и оценивающим взглядом незнакомца, которому можно было дать немногим больше пятидесяти. Он сухо поздоровался и уточнил, действительно ли он попал к начальнику службы безопасности.

Прежде чем представиться незнакомец прошел и безо всякого приглашения сел напротив Алискера, закинув ногу на ногу. Вершинина с недоумением наблюдала за вошедшим, ей казалось удивительным, что этот «стальной» стержень смог принять сидячее положение.

Голос господина вполне соответствовал его колючей внешности: он был резким и надтреснутым.

– Моя фамилия Буторин, – безапелляционно заявил он, словно хотел тут же распределить роли в предстоящей беседе.

– Очень приятно, – правдоподобно соврала Вершинина, – Михаил Анатольевич предупредил меня о вашем визите. Так что, можете не мешкая приступить к делу.

– Я бы хотел говорить с глазу на глаз, – он покосился на слегка оторопевшего Мамедова, – вопрос требует большой деликатности.

Он многозначительно кашлянул и замолчал, как бы давая время Алискеру для того, чтобы тот поднялся и вышел. Алискер вопросительно посмотрел на Вершинину, которая, сделав рукой едва заметный жест, означающий «останься», невозмутимо перевела взгляд на Буторина.

– Игорь Семенович, кажется, так вас по имени-отчеству, – медленно проговорила она, – хочу вас сразу же предупредить, останется ли Мамедов здесь или уйдет, он в любом случае будет знать о нашем с вами разговоре, и мне бы было удобнее, чтобы он остался. Со своей стороны могу заверить вас, что все, произнесенное в этой комнате, не выйдет за ее пределы. Если вас устраивает такая постановка вопроса – перейдем к делу, если же нет... – она развела руками.

– Хорошо, – нетерпеливо отчеканил Буторин, словно хотел этой поспешностью вычеркнуть из памяти собеседника факт своего компромиссного решения, – как вам будет угодно. Так вот, я выяснил, что у меня на даче все-таки произошла кража. Украдена видеокассета, имеющая большую ценность. Я разговаривал с вашим начальником, он сказал, что вы занимаетесь подобного рода расследованиями и могли бы помочь мне вернуть эту кассету.

– Значит, у вас украли только эту кассету?

– Именно так. – Буторин, наконец, оторвал глаза от безымянной точки, которую рассматривал на противоположной стене, и смерил Валандру своим ледяным немигающим взглядом. – Я со своей стороны могу вас заверить, что ваши услуги будут щедро вознаграждены.

Последнюю реплику он произнес как-то устало, точно подавленный тем обстоятельством, что был вынужден в столь важном вопросе довериться людям, за которыми с трудом признавал даже простое человеческое достоинство.

– Не сочтите это за простое женское любопытство, – Вершинина повела свою роль, – но я должна знать, что на этой кассете.

Буторин поморщился словно от боли, о которой его вынуждают рассказывать посторонним.

– Я не могу вам этого сказать, – твердо произнес он, глядя в упор на Вершинину.

– Я понимаю, что существуют вещи, в которые иногда нецелесообразно, да и просто опасно посвящать кого бы то ни было, – дипломатично продолжила Валандра. – Но если я берусь за ваше дело, это означает, что мы с вами в одной упряжке. Жил-был во Франции в тревожные времена Фронды некий моралист, граф де Ларошфуко, сказавший как-то раз, что ничто так не оживляет беседы, как взаимное доверие.

Она адресовала Буторину многозначительный взгляд, но он продолжал свои, как представлялось Вершининой, бессмысленные наблюдения за соседней стеной.

– Я не могу вам сказать, что на этой проклятой кассете, – упрямо повторил он, делая акцент на слове «не могу», – да и, в конце концов, какое это имеет значение для вас?

Буторин высокомерно посмотрел сначала на Валандру, потом на Алискера.

– Эта информация могла бы сделать поиски более эффективными... – попыталась проныть этот «стальной стержень» Вершинина.

– Давайте сразу определимся, – продолжая сидеть нога на ногу, Буторин с непонятным вниманием воззрился на носок своего ботинка, – вы больше не будете интересоваться кассетной записью, и мы немедленно перейдем к делу. Я обещаю рассказать вам все, что может хоть как-то помочь вашему расследованию. Вы можете спрашивать меня о чем угодно, только не о том, что на пленке. Даже в случае неудачи я гарантирую достойную оплату вашего труда.

Буторин поднял глаза и прошелся испытующим взглядом по непроницаемому лицу Валандры. Вершинина поняла, что настаивать бесполезно: перед ней был не то что упрямый осел, – неприступная крепость.

– Очень жаль, что вы отказываетесь сказать, что на пленке... – сказала она, обдумывая ситуацию и мысленно призывая мецджеряковское самообладание с не меньшим пылом, чем Гамлет – тень своего отца. – Тогда я поделюсь с вами своими соображениями. Не оставляет никаких сомнений тот факт, что похитителю кассеты было известно ее местонахождение. Он проник на вашу дачу с целью выкрасть ее у вас. Таким образом, он в курсе содержания кассеты и по достоинству оценил его, если отважился на такой поступок, как кража из помещения, находящегося на сигнализации. Он располагал мизером времени, чтобы осуществить свой план.

– Вы полагаете, что это кто-то из моих знакомых? – не вытерпел Буторин.

– Вам нельзя отказать в проницательности, – решила слегка поддеть Валандра этого спесивого господина, – человек, укравший кассету либо относится к числу ваших врагов или соперников, либо к той категории людей, которых вы считаете своими друзьями или приятелями. Возможно, эти последние хотели вам просто отомстить – не исключено, что был прецедент, когда вы их обошли или чем-то расстроили. Кроме того, мотивом действия вора могло быть банальное желание что-нибудь заработать на этой кассете. Я склонна допустить, что в этом случае сумма была бы не маленькой – содержание кассеты стоит того, если вы так твердо отказались сообщить мне...

– Давайте не будем возвращаться к тому, о чем решили больше не говорить... – Буторин недовольно посмотрел на Вершинину, в его голосе зазвучали металлические нотки.

– Я не понимаю вас, ведь в ходе расследования все равно выяснится, что на кассете. Вы, по крайней мере, должны описать, как эта кассета выглядит – мы не можем искать невидимку.

– Обычная кассета. Единственное, что в ней необычного, так это какая-то глупая надпись на ней. Не знаю, как это читается, а выглядит вот так.

Он пододвинул к себе чистый лист бумаги, лежащий на столе, и написал на нем «gouzi-gouzis».

– Кассета с самого начала принадлежала вам?

– Что вы имеете в виду?! – с вызовом спросил Буторин, точно вопрос Вершининой оскорбил его.

– Я подумала, если человек говорит о чем-то как о глупом, то он меньше всего склонен иметь в виду самого себя. – Вершинина усмехнулась.

– Я вас не понимаю... – Буторин приподнял свой и без того выпирающий подбородок.

– Определенной категории людей самокритичность не свойственна...

– На что вы намекаете? – раздраженно спросил Буторин, кривя лицо в презрительной гримасе.

– На то, что «любовь к себе – это роман, длящийся всю жизнь», – смело процитировала вслух Вершинина своего любимого Ларошфуко, а про себя обратилась к более резкой выдержке из Монтеня: «Высокомерие складывается из чересчур высокого мнения о себе и чересчур низкого – о других».

– Вы упрекаете меня в излишнем самомнении?

– Избави Бог. Я просто позволила себе сделать некоторое философское обобщение, не без помощи моих друзей-моралистов, конечно. Так каким же образом кассета попала к вам? – Вершинина спокойно вернулась к главной теме разговора и, вставив сигарету в угол рта, взяла настольную зажигалку, изображающую дракона с разверстой пастью, из которой при нажатии на кнопку вырывалось пламя. Этот милый «дракоша», как ласково называла его Валандра, был одной из ее любимых вещей.

– Это моя кассета, – опять проявил досадную несговорчивость Буторин.

Трудный клиент! – подумал Алискер, искренне восхищаясь хладнокровной выдержкой своей начальницы.

– Игорь Семенович, – с укоризной в голосе сказала Валандра, в глубине души которой зрело желание послать Игоря Семеновича к чертям собачьим, – если вы и дальше будете скрывать важные факты, поле поисков заметно сузится, а в этом случае я вообще не могу гарантировать положительного результата.

– Хорошо, эта кассета, как вы выразились, не была с самого начала моей, она недавно попала ко мне. – Буторин говорил сквозь зубы, как буд-то делал одолжение.

– При каких обстоятельствах она к вам попала? – не унималась Валандра.

– При мистических, – Игорь Семенович, наконец, показал, что и ему в определенные моменты не чуждо чувство юмора, – не будем это обсуждать.

Опять зубы показывает, – недовольно отметила про себя Валандра.

– На кассете компромат? – прямо спросила Валентина Андреевна.

– С чего вы взяли? – изобразил недоумение Буторин.

– А с чего бы вы стали так ей дорожить? – в тон ему ответила Валандра.

– Там важная информация... – неуверенно сказал Игорь Семенович.

– Игорь Семенович, на данном этапе мы – ваши союзники, прошу вас, не затрудняйте нам задачу. Меня интересуют обстоятельства дела, и – ни в коем случае чье-то грязное белье, уж поверьте. И если на какой-то стадии случается совпадение первого с последним, то здесь нет моей вины.

Вообразите себе абсурдную ситуацию: больной приходит на прием ко врачу, и, когда последний начинает его расспрашивать о симптомах и прочем, уклоняется от ответов, кривит

душой, затемняя таким образом клиническую картину заболевания. Что в таком случае остается делать врачу? Сказать больному, что тот либо симулянт, либо, простите, слабоумный...

Буторин от негодования едва не вскочил со стула. Но потом, сделав над собой усилие, занял исходное положение, только сменил ногу.

– Не много ли вы на себя берете? – возмущенно воскликнул он, Михаил Анатольевич говорил мне о вас как об умной, деликатной женщине...

– А мне о вас как о трезвом и деловитом...

– Ну, знаете... – Буторин резко встал и направился к двери.

– Куда бы вы не обратились, Игорь Семенович, вам обязательно зададут те же самые вопросы, хотите вы того или нет.

– Посмотрим...

Буторин гневно хлопнул дверью.

– Ну и фрукт! – выдохнул Алискер, точно в течение всего разговора задерживал дыхание.

– А что я могу сделать, он просто отказывается говорить, хотя утверждает, что пришел именно за этим.

– Ну и выдержка у вас, Валентина Андреевна! – восхищенно сказал Мамедов.

– Да какая там к черту выдержка, – махнула рукой Валандра, подожди, сейчас этот фрукт еще настучит на меня Анатоличу.

– А вы-то тут при чем? – Алискер вопросительно посмотрел на Вершинину.

– У сильного всегда бессильный виноват...

– Это вы-то слабая, – усмехнулся, качая головой, Мамедов, – все бы такими слабыми, как вы, были!

– Я, Алискер, имею в виду социальное положение и...

– Классовое сознание? – рассмеялся Мамедов. – Вы ведь сами в это не верите...

– Во что? – рассеянно спросила Валандра, которая думала о своем.

– В то, что чем выше стоит человек на социальной лестнице, чем больше привилегий имеет, тем он менее уязвим...

– Смотря для чего уязвим, – как-то отрешенно проговорила Вершинина.

– Для того, от чего не могут спасти даже гигантские денежные суммы: дурной характер, горе, болезни, смерть, наконец.

– Ты, Алискер, во многом, без сомнения, прав, только как быть с горем тех, например, африканских матерей, чьи дети умирают от голода, с болезнями тех, кому отсутствие определенной денежной, как ты выразился, суммы мешает излечить их и не отправится к праотцам и т. д., и т. п.

– Я не спорю с этим...

– Ты хочешь сказать, что рассуждаешь о социальной иерархии с позиции Диогена...

– Лаэртского?

– Синопского, именно он жил в бочке.

– Да, лет пять назад я читал роман об Александре Македонском и когда дошел до того места, где он просит показать ему знаменитого Диогена, жившего в бочке, я чуть живот от смеха не надорвал. Приводят, значит, Александра к Диогену, а тот в это время у бочки растянулся и лежит себе – в ус не дует. Македонский, подходит к нему и спрашивает, что я, мол, для тебя могу сделать? А тот невозмутимо так отвечает: будь добр, отойди в сторонку, не загораживай солнце.

– И воскликнул великий полководец и царь: «Если бы я не был Александром, то, клянусь Зевсом, хотел бы быть Диогеном!» – закончила Валандра.

– Вот именно, – удовлетворенно сказал Мамедов.

– Только мы, Алискер, не киники, а Буторин – не Александр, хотя он и считает себя, не менее великим, чем предводитель македонцев.

Тут в кабинет без стука вошел Болдырев, явно чем-то взволнованный, и остановился в центре.

– Что случилось? – обернулась к нему Валандра.

– Там ваш посетитель... – он показал большим пальцем за спину и замолчал, подбирая слова.

– Он что, вернулся?

– Да он и не уходил, – торопливо продолжил Болдырев, – мы там чай пили, слышим, скребется кто-то в дверь. Ну, я подошел, а он к косяку прислонился и рукой за сердце держится.

– Что ж ты стоишь?! Вызови ему скорую!

– Не надо, – уже более спокойно объяснял Болдырев, – мы его на диванчик положили, дали сладкого чаю, у него с собой валидол оказался, так что минут через десять будет как новенький, – он улыбнулся.

– Ладно, хорошо, что предупредил. Когда он соберется уходить, сообщи мне.

– Понял, Валентина Андреевна, – сказал Болдырев и повернулся к двери, – ну, я пошел?

– Иди, Сергей.

– Перенервничал наш потенциальный клиент, – задумчиво произнес Мамедов, – наверное, информация, записанная на кассете, действительно очень важна для него.

– Он у нас в Думу не баллотируется? – спросила у него Вершинина.

– Кажется, нет, – ответил Алискер, – если хотите, могу уточнить? Думаете, на кассете компромат на его соперников?

– Пока не нужно ничего уточнять, – Вершинина Валентина Андреевна катала сигарету между подушечками большого и указательного пальцев, – а насчет «компры» ты, скорее всего, прав. Если же он не собирается в народные избранники, это могут быть материалы, изобличающие его начальство или того, на чью должность он претендует.

– Почему это не может быть компроматом на его жену, например? – спросил было Алискер, но потом, вспомнив о чем-то, сам ответил на свой вопрос: – Ну да, он же сказал, что на кассете что-то написано. Если бы он, допустим, заказал заснять свою жену с любовником, он или сам что-то написал бы на кассете, или там написали бы то, что понятно ему, так?

– Так-то оно так, – Вершинина наконец прикурила сигарету от своего дракончика и выпустила дым к потолку, – только вот все наши с тобой рассуждения бесполезны – клиента у нас нет.

Тут Алискер хитро улыбнулся.

– А мне кажется, что наш клиент просто не хочет уронить своего так называемого «достоинства», и его сердечный приступ – всего лишь игра, не более. Он попал в затруднительное положение и не нашел быстрого решения, поэтому, для того чтобы выиграть время, симулирует болезнь.

Вершинина оценила это довольно жесткое, но вполне правдоподобное замечание своего секретаря-референта относительно фрустрации «потенциального клиента».

– Ну, пошли, взглянем на нашего «Александра Великого», – Вершинина встала и стремительной походкой направилась к выходу. Алискер последовал за своей начальницей.

Войдя в дежурку, они застали «больного» сидящим на диване со стаканом чая в руке. Болдырев с Антоновым-старшим о чем-то тихо переговаривались, наклонясь друг к другу через стол.

– Что-то сердце прихватило, – извиняющимся голосом произнес Буторин, – но сейчас уже лучше.

– Может, нужно вызвать «скорую»? – обратилась к нему Вершинина.

– Нет, нет, – запротестовал Буторин, – это ни к чему. Через две минуты я уйду.

– Если вы перемените свое решение, я готова продолжить наш разговор.

– Хорошо, я подумаю, – пошел на попятную Игорь Семенович.

Величественно развернувшись, Вершинина вышла из дежурки. Алискер, подождав, когда она скроется за дверью, подошел к пульту, полистал регистрационный журнал и, обращаясь к Антонову, спросил:

– Шурик, как дежурство, все спокойно?

– Порядок, господин Мамедов, – сострил Антонов, – наши двери – самые двери в мире.

– Так мы вас ждем, Игорь Семенович, – Алискер повернулся к Буторину и улыбнулся, – заходите.

Буторин только молча кивнул в ответ.

– Все о`кей, Валентина Андреевна, – весело сказал Мамедов, входя в кабинет. – Клиент, как говорится, созрел.

– Созрел, так созрел, что ты так радуешься? Чувствую я, придется нам помучиться с этим клиентом.

– По крайней мере, с шефом проблем не будет. А с Буторина, я думаю, вы сумеете немного сбить спесь.

– Такой задачи я не ставила, просто не люблю напыщенных индюков, не видящих дальше собственного носа. Может, как специалист, он что-то из себя представляет, не знаю, но вот руководить целой отраслью экономики, он ведь, кажется, министр энергетики области, ему явно зря доверили.

* * *

«Вскоре в дверь тихо постучали.

– Войдите, – я хоть и предполагала, что это Буторин, все-таки не ожидала от него подобной деликатности.

Может, еще кого нелегкая принесла?

Но, к моему вящему удивлению, это был министр энергетики.

– Вам действительно лучше? – решила я ему подыграть из самых благородных чувств.

– Да, не беспокойтесь, – «мнимый больной» уселся на заждавшийся его стул.

– Может, сядете в кресло, вам будет удобнее, – я не сводила с него глаз. Меня всегда жутко интересовали перемены, происходящие за краткие временные отрезки с людьми, подверженными внезапным скачкам настроения и разного рода вулканическим извержениям.

В то же время Буторина нельзя было назвать импульсивным человеком, скорее всего в основе произошедшей с ним метаморфозы лежало осознание им того простого факта, что отступать некуда, что рано или поздно на те же вопросы, которые ему задавала я и которые столь болезненно отзывались на его самолюбии, ему неизбежно придется ответить в другом месте, если он, конечно, не откажется от поиска «драгоценной» кассеты.

Чудесное превращение, случившееся с Буториным, не было следствием раскаяния, ведь оно предполагает, как я думаю, не озарение, когда человек ударяет себя кулаком по лбу, восклицая: «как же я был неправ!», а выработанную в процессе постоянных размышлений о степени нравственности своих поступков привычку к самоанализу.

Одному Богу известно, насколько это кропотливый труд!

В случае же с Буториным, как мне кажется, мы имели случай определенного рода мимикрии, некоего приспособления к обстоятельствам.

Я решила не задавать с ходу «большому» травмирующих его вопросов.

– Игорь Семенович, – начала я, – не могли бы вы коротко рассказать о своих домашних?

– О членах моей семьи? – туповато переспросил он, высокомерно приподняв брови.

Ну вот, пошло-поехало, – с горечью подумала я. Прямо не общение с заказчиком, а психотерапевтический сеанс с душевно больным!

– Пожалуйста, – осторожно пригласила я его к разговору.

– Ну, хорошо, – после долгого раздумья выдавил из себя министр энергетики, – если вы считаете это необходимым...

– Да, это очень важно, – поддержала его я, – у вас есть жена?

– Да.

«Не слишком развернуто, – подумала я, – но для начала, неплохо».

– А дети?

– Сын, Вячеслав, ему двадцать пять лет.

«Ну, ты так, пожалуй, разгонишься, тебя потом не остановишь».

– Какое у него образование, где он работает? – почти ласково спросила я.

– Три года назад он окончил «политех», сразу после института начал работать на заводе «Турбина», потом организовал свою фирму – дочернее предприятие «Турбины» по торговле энерго-оборудованием, – он вдруг остановился на мгновение, – Не знаю, зачем вам все это?

– Не волнуйтесь, Игорь Семенович, – успокоила я его, – чем больше вы нам расскажете, тем быстрее мы сможем вам помочь. Ваш сын не женат?

– Нет.

– У него есть девушка, с которой он встречается?

– Наверное есть, но домой он никого не приводит.

– Если я вас правильно поняла, Слава живет вместе с вами?

– Да.

«Ларошфуко позавидовал бы афористичности твоих ответов».

– Вы часто посещаете дачу, я имею в виду в зимнее время?

– Мы с женой навещаемся туда раза два в месяц. Вы наверное знаете, у нас там камин, можно сделать шашлык, пожарить мясо на решетке, что-то вроде барбекю.

– Да, да, я понимаю, барбекю. А кроме вас с женой там кто-нибудь бывает?

– Вы имеете в виду, без нас? – переспросил Игорь Семенович.

– Именно, или, если сформулировать вопрос по-другому, у кого еще кроме вас есть ключи от дачи?

– Не думаете же вы, что виновник кражи кто-то из моих родственников? – негодуя произнес Буторин.

«Снова начал показывать зубы!»

– Пока что я вообще не думаю, просто собираю информацию, – сдержанно парировала я, – так что не беспокойтесь, никто не собирается обвинять в чем-либо членов вашей семьи. Так есть у кого-то еще ключи?

– У сына свои ключи, он иногда там ночует, а жена зимой одна на дачу не ездит.

– Мог кто-нибудь без вашего ведома воспользоваться вашими ключами?

– Это исключено, они у меня всегда с собой, вместе с ключами от квартиры, – уверенно сказал Игорь Семенович.

– Друзья или знакомые, конечно, тоже бывают с вами на шашлыках?

– Естественно, но вообще-то у меня не так много друзей.

«Это и понятно, кому же захочется общаться с таким монстром?»

– Не могли бы вы назвать тех из них, кто был на даче после того, как у вас появилась эта кассета? Кстати, когда она у вас появилась?

– Две недели назад, – призадумавшись, ответил Буторин, – а что касается первой части вопроса... – он снова замолчал.

– Вы не можете вспомнить? – полюбопытствовала я.

– Нет, нет, я помню, – с несвойственной ему торопливостью ответил Буторин, – это, в общем-то, даже не друзья, а сослуживцы, точнее, мои помощники.

– Кто же это? – я посмотрела на Алискера, делает ли он пометки?

Впрочем, это было лишним, он безо всякого усилия мог запомнить дословно целые куски печатного текста или устной речи.

– Горохов, Можжевелов и Кузькин.

– Все они ваши помощники?

– Сергей Горохов – мой секретарь-референт, Павел Можжевелов – первый помощник, Илья Кузькин – второй.

– Вы не обижайтесь на меня, Игорь Семенович, но я должна вас об этом спросить... С вами были и девушки?

Честно говоря я думала, что он снова психанет: выбежит из кабинета, заорет или выкинет еще какую-нибудь штуку вроде этого. Но он только вздохнул. И, в общем-то, правильно: потерявши голову, по волосам не плачут.

– Были.

– Кто такие?

Буторин покачал головой из стороны в сторону.

– Я не знаю.

– Игорь Семенович, – я посмотрела на него как на нашкодившего мальчишку.

Тут он снова почти сорвался на крик:

– Да не знаю я их, – и после этого, словно выпустив пар, уже более спокойно, – Горохов занимается организацией таких party, вечеринок.

– И когда была последняя вечеринка?

– В прошлый четверг.

– Нам нужно будет поговорить с Гороховым, – как можно спокойнее произнесла я и достала сигарету.

– Хорошо, я пришлю его к вам.

– Не стоит беспокоиться, мы сами к вам подъедем, – я взяла своего «дракошу» – настольную зажигалку в виде дракона, извергающего пламя и прикурила, стараясь не дымить на «больного».

– Хорошо, – сказал Буторин и вынул из нагрудного кармана пиджака золотую визитную карточку с красными тисненными буквами, – вот здесь мои телефоны, звоните в любое время, – он достал, теперь уже из внутреннего кармана, авторучку «паркер» и записал на обратной стороне картонного прямоугольника еще один телефон: – Это мой прямой, – и положил визитку передо мной.

– Игорь Семенович, – продолжила я разговор, – на дачу вы приехали все вместе?

– Не-е-т, – задумчиво протянул он, – Сначала поехали Горохов с Можжевеловым и девушки, чтобы все там приготовить.

– Значит, у них был ключ?

– Когда они отправились, я передал ключ Горохову. Вы думаете, это он?

– Я же сказала, пока я только собираю факты.

– Игорь Семенович, – видя, что я замолчала, в разговор вклинился Алискер, – вы давно женаты?

– Год назад отпраздновали серебряную свадьбу. а что? – Буторин уставился на Алискера.

– Да ничего, просто интересуюсь, – Алискер на мгновение замолчал, а потом, посмотрев на меня, задал Буторину следующий вопрос: – У вас хорошие отношения с сыном?

– Думаю, да, – неуверенно ответил Буторин, – во всяком случае, мне кажется, мы понимаем друг друга, и я доволен, что он стал самостоятельным человеком.

– Он не нуждается в деньгах?

– Слава хорошо зарабатывает, – с гордостью за сына произнес Буторин-старший, – в прошлом году купил себе машину.

«Ну вот, – подумала я, – хоть какие-то человеческие чувства.»

– Почему же он живет вместе с вами? – спокойно спросил Алискер.

– Сейчас он как раз собирает деньги на квартиру.

– Он не просил вас помочь ему деньгами?

– Я сам предлагал ему не раз, – кажется, с сожалением произнес Буторин, – но он хочет все делать самостоятельно.

– У тебя все, Алискер? – я удовлетворенно посмотрела на Мамедова.

– Да, Валентина Андреевна, только...

Поняв, о чем он беспокоится, я жестом остановила его и сама затронула эту неприятную для Буторина тему.

– Игорь Семенович, может быть, вы все-таки назовете мне имя человека, снятого на кассету?

– Ну, не могу я вам этого сказать, – словно от приступа мигрени сморщился Буторин и почти умоляюще посмотрел на меня.

– Ну, хорошо, не хотите говорить, не нужно, – попробовала я пойти на хитрость, – просто послушайте, что я вам скажу. Можете поправить меня, если я ошибусь в чем-то. Вы занимаете высокий пост в правительстве. Есть довольно небольшой круг лиц, стоящих выше вас на социальной лестнице. – Буторин молча и внимательно слушал меня. – Я бы могла сузить его еще больше, вычеркнув с полдюжины человек, чьи должности по тем или иным причинам вы не сможете занять, но это займет у меня некоторое время. Вы могли бы ускорить этот процесс, просто назвав мне одну фамилию. Итак, Игорь Семенович?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.